

щим русской армии в 1812 году был Суворов, и перед уроком литературы прочитают подлинного «Евгения Онегина» и «Войну и мир», а не их содержание в книге «Все произведения школьной программы в кратком изложении», где весь «Онегин» уместился на 20 страницах, а «Войне и миру» — только целых ... 97.

В заключение хочу вернуться к фразе «блеснуть эрудицией»: Да, преподаватель должен блистать эрудицией, остроумием, выразительной речью, хорошими манерами, элегантною внешностью. Симпатия, восхищение, влюбленность в преподавателя помогут ученику в трудной работе изучения языка. А изучение языка — это познание культуры. А знание культуры (своего или другого народа) — это путь к миру и прогрессу. Нет, всё-таки красота спасёт мир!

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

ЖАЛДАК Н. Н.

Белгородский государственный университет

Логичность научного мышления и логическая правильность научных текстов — необходимая характеристика научного познания. Но каким путем и насколько до последнего времени логика как система методов влияла на это познание? Следующие группы субъектов научного познания можно различить по их отношению к изучению и сознательному использованию логики как метода в профессиональной деятельности: 1) те, кто профессионально занимается логикой и как методом и как предметом исследования; 2) те, кто изучил логику и сознательно применяет ее, не занимаясь ее разработкой; 3) те, кто изучал логику, но не считает полученные знания практически полезными; 4) те, кто не изучал логику как особую дисциплину и ограничивается интуитивной спонтанно сформировавшейся логичностью. Достаточно исследовать учебные программы вузов, чтобы понять, что последняя категория является наиболее обширной. Среди тех, кто изучал логику, и среди тех, кто не изучал логику, есть те, кто занимается математизированными дисциплинами, что обеспечивает неявное усвоение математической логики, внутренне включенной в математику, а также тех, кто занимается слабо математизированными или нематематизированными дисциплинами. Последние вообще обходятся интуитивной логичностью, которая спонтанно сформировалась у них путем приспособления к логичным рассуждениям на естественном языке и к соответствующим действиям. Логичности, которая сформировалась, главным образом, за счет спонтанного усвоения логики естественного языка, во многих случаях было доста-

точно, чтобы ученый достигал выдающихся результатов в своей области. Но отсутствие сознательного логического контроля делает научное творчество значительно менее свободным и эффективным. Научное познание стремится к сознательному использованию своих методов и к тому, чтобы предъявлять к ним строгие требования.

В таких условиях становится актуальным рассмотреть деятельность профессиональных логиков с точки зрения научного разделения труда, как включенную в отношения по поводу не только производства, но также распределения, потребления и обмена логических знаний. В принципе всякое производство, в том числе и производство научных знаний, должно соответствовать интересам потребителей. В противном случае оно, в конце концов, ликвидируется. Для сферы производства логических знаний приведение в соответствие с интересами потребителей — это условие если не сохранения ее жизни, то поддержания и роста ее общественной значимости. Но еще более важно, что это — условие повышения эффективности науки как непосредственной производительной силы общества.

Какими логическими методами и с какой эффективностью смогут воспользоваться физики, химики, биологи, гуманитарии, притом не только в области чистого теоретизирования, но, главное, в области практического внедрения своих знаний, а значит и в области их экспериментальной проверки? Для субъекта, преобразующего реальный объект, необходимо образное представление желаемого действия и его результата. Здесь недопустим отрыв от практического опыта, а значит и от образов, в которых этот опыт был дан. Практика для своей успешности нуждается в практической логике, которая не отчуждает себя от практического опыта ни явно, ни неявно. Поскольку субъект опытной науки пользуется логикой естественного языка, то логические знаки-символы этого языка в мышлении этого субъекта должны непосредственно или опосредствованно быть связаны с соответствующими образами отношений между множествами и отношений между элементами множеств.

При этом для представителя опытной науки образы множеств — исходная данность, а символы — это вторичное средство для описания образов практического опыта. Совершенно иным оказывается соотношение образов и символов в сфере производства логических знаний.

Пожалуй, самым показательным в этом отношении может быть пример разработки силлогистических теорий. Их главным отличием является то, как интерпретируются, например, переводятся на язык логики предикатов предложения: «Все А суть В» (А), «Ни один А не суть В» (Е), «Некоторые А суть В» (I), «Некоторые А не суть В» (O).

Символическая логика ставит своей задачей получить непротиворечивую и согласованную, допустим с классической логикой предикатов или булевой алгеброй, интерпретацию суждений естественного языка. Суть подхода — если так-то интерпретировать, то получится система, таким-то образом согласуемая с заданными логическими исчислениями. Вопрос о том, как интерпретируют эти суждения сами пользователи естественного языка, как бы теряет значе-

ние. Уклоняться в исследование этого значит впадать в психологизм, социологизм или т.п. Возможно, в области чистой логики это и грех, но в области философии науки признается как необходимое рассмотрение философии, а значит, и логики языка в более широких рамках философии сознания, человеческой психики.

Но, во-первых, выражения логики предикатов сами подлежат изобразительной интерпретации. Если же сопоставить изобразительные интерпретации разных переводов А, Е, I, O в разных силлогистических системах, то получается, что, что разные интерпретаторы традиционной силлогистики дают разные изобразительные интерпретации, т.е. придают разные эмпирические значения одним и тем же предложениям естественного языка. Не язык подбирается для описания определенных образов действительности, а, наоборот, образы действительности подбираются для определенного (естественного!) языка. В обычной речи то, какой образ обозначаемого должен вызываться символическим выражением, существеннее, чем то, какими выражениями этот образ вызывается. То, что в некоторой области построения силлогистических теорий это не так, говорит о том, что в ней абстрагируются от практики рассуждений на естественном языке и от естественной эмпирической интерпретации. Абстрагирование от практики обычных рассуждений и разнообразная интерпретация выражений естественного языка означает, что этот язык для разных интерпретаторов перестал быть единым языком. Естественным он может быть только со своей естественной интерпретацией. Различные системы искусственной интерпретации естественного языка превращают его в разные по значениям искусственные языки. Т.о. разные символические силлогистические теории либо теряют единство своего объекта исследования, ибо язык — это система знаков, которые как таковые имеют определенные значения, либо имеют в качестве своего объекта систему символоподобных объектов, которые лишь могут превращаться в знаки некоторых отношений между множествами и т.п. Знак без определенного обозначаемого не есть знак, а лишь знакообразный объект. Лишь в отношении к обозначаемому знак может быть знаком. Поэтому правила логических исчислений рискуют быть без применения к ним процедуры образной интерпретации правилами символических систем. Кажется возможным рассматривать обсуждаемые предложения как омонимичные, но омоним — слово, имеющее разные значения в одной языковой системе, а разные интерпретации превращают фрагмент естественного языка, фактически, в разные языковые системы. Наука о языке как средстве моделирования действительности превращается в самостоятельный объект.

Сказанное означает, что существенные для выполнения логических критериев научности (непротиворечивость, полнота, независимость) исследования силлогистики средствами символической логики в основном относятся к внутренней области производства логических знаний для внутреннего потребления в этой сфере. Нельзя, однако, сказать, что они не влияют на продукт, даваемый потребителю, содействуя сохранению в курсах логики традиционной силлогистики. В принципе, этот продукт должен подлежать оценке потреби-

тельного качества, т.е. квалиметрической оценке, которая из экономики перешла в область педагогики, в сферу образования. Такая оценка побуждает преподавать алгоритмы логического контроля над рассуждениями с любыми априорными суждениями, которые могут быть высказаны на естественном языке, а не только А, Е, I, O, обучать самым эффективным и максимально приемлемым для потребителей алгоритмам, вести работу по выработке такой формы предоставления логических знаний, которая близка к логике естественного языка, неосознанно используемой большинством ученых, т.е. вырабатывать практическую (эффективную прикладную) логику.

ПРЕПОДАВАНИЕ КОНКРЕТНЫХ ДИСЦИПЛИН И ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

КОСТИКОВА И. В.

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

Гендерное образование — не только и не столько новый курс, новая дисциплина в сетке часов, а принципиально новый подход к самому образованию. Речь идет о подходе, который не укладывается в привычную иерархизированную систему знаний: гендер — социальный конструкт, предполагающий принципиальную возможность смены ролей и функций, с точки зрения которых человек воспринимает себя и самореализуется в обществе. Этот гуманитарный курс среди конкретных дисциплин оказывается для будущих ученых методологически значимым.

Гендерный анализ науки на сегодняшний день становится все более актуальным. Он вводится не только специалистами по гендерным исследованиям, но прежде всего социологами науки новой формации, последователями такого известного французского философа, как Брюно Латур. Открытия в науке сегодня совершаются коллективами ученых и результаты конкретных исследований зависят от состояния каждого отдельного члена исследовательской группы. По мнению Латура, определенная стагнация науки, прежде всего экспериментальной, связана с консервативной иерархической системой, распространяющейся и на научные коллективы и недооценкой личностного фактора.